

DOI: 10.46698/VNC.2022.83.44.006

ОСОБЕННОСТИ ЭМОЦИОНАЛЬНО-ЭКСПРЕССИВНОЙ ЛЕКСИКИ ПОЭМЫ К.Л. ХЕТАГУРОВА «КОМУ ЖИВЕТСЯ ВЕСЕЛО...»

Ф.А. Царикаева

Поэзия К.Л. Хетагурова выросла и утвердилась на философской основе учения русских революционеров-демократов – В.Г. Белинского, Н.Г. Чернышевского, Н.А. Добролюбова – и является воплощением высокой идейности по содержанию и высокой художественности по форме. Язык поэта – важнейший элемент его революционной поэзии, его страстного протеста против помещичье-капиталистического строя с его идеологией и моралью. Ярким свидетельством этого является написанная им на русском языке поэма «Кому живется весело...», в которой в яркой сатирической форме показаны взаимоотношения горцев с царской администрацией и бюрократическим аппаратом на Кавказе, в результате чего лексика поэмы в целом характеризуется разнообразием с эмоционально-стилистической точки зрения. Целью написания данной работы является раскрытие языковых средств, посредством которых автору удается высмеять верхушечные слои описываемого общества, их взаимоотношения и взаимовлияние в определенной локальной ситуации. В ходе исследования было выявлено, что с точки зрения эмоционально-стилистической словарный состав поэмы отличается широким использованием элементов различных стилистических пластов русской лексики, являющимся свидетельством того, что поэт не только хорошо знал и владел русским языком, но и глубоко проникал в семантическое значение каждого слова, в его экспрессивные возможности, получающие в определенной контекстуальной ситуации неповторимые оттенки, способствующие созданию образного характера описываемого действия, что позволило выдвинуть на передний план повествования те или иные группы слов, на которых автору нужно сконцентрировать внимание читателя в каждой конкретной ситуации, и перемещению на второстепенный план содержание других. Языку данного произведения присущи краткость, образность, яркость, выразительность. К.Л. Хетагуров не пользуется бессодержательными украшениями. Каждое слово, используемое в поэме, непосредственно отражает и раскрывает в полной мере описываемые предметы или явления в их исторической действительности.

Ключевые слова: языковые средства, словарный состав, эмоционально-окрашенная лексика, семантика, стили речи.

Язык и стиль художественных произведений К.Л. Хетагурова в той или иной степени изучен такими учеными и лингвистами, как К.Е. Гагкаев, В.Д. Абаев, В.Н. Князева и др. [1; 2; 3]. Отдельно русскоязычным произведениям посвящены работы Р.З. Комаевой [4; 5]. Мы же в данном исследовании рассмотрим лексику поэмы К.Л. Хетагурова

«Кому живется весело...», которая с точки зрения эмоционально-стилистической неоднородна. В ней встречаются группы слов как устной, так и письменной форм речи. Словарный состав различных групп поэмы по удельному весу неодинаков. Одни группы слов достаточно широко представлены в поэме, другие – менее, третьи встречаются в единичных случаях, что непосредственно связано с авторским замыслом, в частности, с тем, что в той или иной ситуации хотел выразить автор, на чем он хочет сконцентрировать внимание читателя. «Стилистика поэмы в первую очередь отличается эмоционально-экспрессивным своеобразием, что связано с использованием поэтом в ней юмористического (или шуточного) и сатирического (насмешливого) стилистических разновидностей речи» [6, 216]. Как подчеркивает А.И. Гвоздев, первая из них преследует цель вызвать у слушателя либо читателя снисходительный либо веселый смех, при этом у них создается отношение некоего превосходства, соединенного с состраданием, а также отличается активным использованием метода гиперболоизации характеров, столкновением разностилевых лексических элементов, сравнения и метафоры, что сводит к минимуму описываемое, создавая тем самым шуточную игру слов [7, 45-60].

С точки зрения эмоционально-стилистической интересен составом лексических единиц следующий контекст, в котором взаимодействуют слова, привлеченные автором из разных стилистических пластов русского языка:

И как могла так *втюриться*
Особа с воспитанием
В болвана беспримерного
Ума не приложу [8, 250].

Здесь обращают на себя внимание в эмоционально-стилистическом отношении разноплановые компоненты. Так, просторечный глагол *втюриться* уже сам по себе выражает крайне отрицательную характеристику того, о чем идет речь, что подтверждается и его словарным толкованием: «Втюриться... В просторечии. 1. Нечаянно попасть, влезть во что-нибудь вязкое; увязнуть. Переносно. Попасть в какое-нибудь неприятное положение; попасть впросак. 2. Переносно. Шуточно или вульгарно. Влюбиться. Втюрить... В просторечии и устар. Втолкнуть во что-либо вязкое;сыпать, влить что-либо в большем, чем нужно количестве. Переносно. Ввести, вмешать, впутать кого-нибудь в какое-либо неприятное или невыгодное дело. Ввести, вселить» [9, 254].

Очевидное совмещение в себе в той или иной степени всех приведенных здесь понятий превращает данный компонент контекста в до-

минирующую смысловую единицу, которая в активном взаимодействии с другими словами создает благоприятные условия для возникновения авторского подтекста с мощным социальным звучанием.

Так, существительное *особа*, в большинстве случаев употребляющееся теперь обычно иронически, с примыкающими к нему компонентами: *втюриться* – в препозиции и *с воспитанием* – в постпозиции – расширяет свои семантические возможности. Первое из них в значительной степени усиливает эмоционально-стилистическую окрашенность ключевого слова *особа*, которое превращается в просторечно-ироническое, приобретая тем самым оценочно-характерологический смысловой оттенок, представляя читателю описываемый персонаж в содержательном отношении противоположный тому, каким он представлен в контексте «особа с воспитанием». Об этом свидетельствует и словарное толкование слова *особа*: «Особа... О человеке (прежде о важном, почтенном, теперь обычно ирон.)» [10, 463]. Тем же толковым словарем как синонимичное слову *особа* приводится существительное *персона* со стилистической пометой «книжное», употребляющееся в значении «личность, особа», а также «ироническое», как и в слове *особа*.

Совершенно очевидно, что поэт намеренно включает компонент *особа* в контекст в ироническом звучании, на что указывает и сочетание «с воспитанием», в котором слово *воспитание* согласно толковому словарю имеет значение: «1. Планомерное воздействие в определенном направлении на развитие, образ мыслей, чувства и поведение...» [10, 98].

В этом толковании обращает на себя внимание акцентно-смысловое выделение мысли «в определенном направлении», которое может быть и, как правило, бывает различным, в зависимости от социальных условий, среды и т.д. Это дает нам возможность утверждать, что в целях создания сочного художественного образа поэт включает в анализируемый контекст слово *особа* не в прямом его значении, а с ярко выраженным ироническим оттенком, благодаря чему перед читателем возникает образ не благовоспитанного персонажа, а человека невежественного.

Этот семантико-стилистический эффект создается и словесным окружением компонента *особа*, большинство лексических элементов которого заимствованно из разговорно-просторечного стилистического пласта русского языка: *втюриться*, *болван*, фразеологизма *ума не приложу*. Ярким подтверждением этого является и словарное толкование

выделенных слов. Так, слово *болван*, имеющее стилистическую помету разговорное, бранное, толкуется как «...1. Грубо обтесанный обрубок дерева, чурка (обл.). 2. Жесткая (обычно деревянная) форма для расправления шляп, париков. 3. Тупица, неуч (разг. бранч.)...» [10, 54].

Совершенно очевидно, что автор включает в контекст данное существительное в третьем его значении – «тупица, неуч», хотя отдельные семантические оттенки первых двух толкований – «грубо обтесанный» и «жесткая» – вполне можно отнести и к содержанию третьего значения. Такое совмещение в разной степени всех отмеченных значений значительно расширяет семантические возможности не только самого компонента *болван*, но и непосредственно соседствующих с ним языковых единиц втюриться и *ума не приложу*, содействующих созданию авторского подтекста, где прямые значения отодвигаются на периферию содержания, на передний же план повествования выдвигается многогранная образная характеристика персонажа. Во многом этому способствует и прилагательное *беспримерного*. Будучи помещено между словом *болван* и фразеологизмом *ума не приложу*, оно получает дополнительные семантические импульсы, благодаря которым данному прилагательному автором, чувствуящим в нем значи-

тельный экспрессивный потенциал, отводится особая смысловая роль, появившаяся в результате активного семантического взаимодействия компонентов *болван* и фразеологического оборота.

Не остается безучастным к созданию эмоционально-экспрессивного эффекта и компонент *беспримерного*, имеющий в словаре стилистическую помету «высок»: «Беспримерный... (высок.). Не имеющий себе равного, исключительный...» [10, 45]. Совершенно очевидно, что в данном контексте автор привлекает это прилагательное в противоположном прямому словарному значению смысле, на что указывает его тесное соседство со словом *болван*. Распространением своей окрашенности на существительное *болван* в этом случае обеспечивается тем, что, с одной стороны, повышается степень его «разговорности» с явным «бранным» оттенком, и, с другой – способствует снижению его стилистической эмоциональной экспрессии до уровня просторечия.

Внимание читателя привлекает и включенный в конец анализируемого контекста фразеологический оборот *ума не приложу*, благодаря которому выстраивается новый семантический план, приводящий в результате к эмоциональной оценке того, о чем идет речь в контексте в целом. Выделенный фразеологизм

позволяет автору передать широкое полотно повествования с высокой степенью экспрессии, на что указывает его словарное толкование: «Ума не приложу (разг.) – не могу понять, сообразить, догадаться...» [10, 832].

Будучи сам заимствован из разговорного стиля речи и окружен словесными компонентами *болван*, *втюриться*, *беспримерного*, имеющими различную эмоционально-стилистическую окрашенность, устойчивый оборот получает значительно более широкую и своеобразную семантическую интерпретацию, вследствие чего читатель без труда может прочесть не только то, что лежит на поверхности смыслового содержания данного слова, но и проникнуть в его семантический потенциал, что позволяет ему глубоко вникнуть в содержание повествования.

Так, на первый взгляд кажется, что никакого семантико-стилистического соприкосновения просторечного компонента *втюриться* и фразеологизма *ума не приложу* нет.

Вместе с тем смысловое взаимодействие их очевидно и проявляется в том, что контекстуально ключевое слово *втюриться* импульсирует устойчивому словосочетанию *ума не приложу*, как и другим словам, распространение на них в той или иной степени просторечной окрашенности, благодаря чему прямые значе-

ния отодвигаются на второй план повествования, на передний же выдвигается характеристика персонажей. Во многом этому способствует и разговорное существительное *болван* с примыкающим к нему прилагательным *беспримерного*, имеющим высокую эмоционально-стилистическую характеристику. Семантическое взаимодействие данных компонентов, выражающих настроение, эмоциональное состояние, и фразеологизма *ума не приложу* позволяют автору не просто сообщить о чем-то, а дать оценку ситуации, действию поступку, лицам, о которых идет речь. При этом фразеологический оборот *ума не приложу* в приведенной конкретной языковой ситуации не только не утрачивает своего основного лексического значения «не сообразить, не догадаться», а, напротив, контекстуально обновляет это свое содержание благодаря тому, что он в позиции, завершающей приведенный отрезок поэтической речи, совмещает в себе целый комплекс значений слов и их сочетаний, предшествующих этой устойчивой единице, что обогащает ее семантику сообщением дополнительных смысловых оттенков.

Сказанное позволяет утверждать, что в приведенном примере с помощью удачно подобранных и с позиционной точки зрения удачно в художественно-поэтическом отноше-

нии расположенных языковых единиц автору удается создать такую семантико-стилистическую структуру контекста, которая «активно влияет на обогащение не только конкретного смыслового содержания, но и всего контекста в целом, что позволяет читателю не только шире охватить и глубже выявить смысл сообщаемой информации» [11, 211], но и глубоко проникнуть в авторский подтекст.

Достаточно интересен с точки зрения структурно-семантической и эмоционально-экспрессивной и следующий контекст, содержащий словесные компоненты, привлеченные автором из различных стилистических пластов русской лексики:

Но *брюхо* наше грешное,
Безмерно расширяясь,
Не знает насыщения, –
Провал его возьми! [8, 259].

Совершенно очевидно, что доминантой данного контекста является существительное *брюхо*, заимствованное писателем из просторечного стилистического пласта русской лексики, эмоционально-экспрессивная окрашенность которого определяет широкий диапазон его семантических возможностей.

Приемом нанизывания в этом малом контексте лексических компонентов, привлеченных автором из различных стилистических пластов, создается высокой степени едкая са-

тирическая характеристика не одного персонажа, а всех обывателей, на что указывает местоимение *наше*.

Так, особую семантико-стилистическую роль здесь выполняет наречие *безмерно*, производного от прилагательного *безмерный* и выражающего значение «огромный, безграничный» [10, 41]. Будучи заимствовано из книжного стиля, оно как бы вносит диссонанс в общую семантико-стилистическую структуру контекста. Однако это лишь внешнее впечатление, так как конкретная контекстуальная ситуация создает такую атмосферу, в которой оно дополняется смысловыми оттенками соседствующих с ним компонентов: в препозиции – это просторечное *брюхо* и разговорное (в одном из своих словарных значений) *грешное*, и в постпозиции – книжные *безмерно* и *насыщения*, просторечное *расширяясь*. Вследствие этого оно значительно расширяет свои семантические рамки, приобретая, кроме номинативного значения, еще и ряд сопутствующих, помогая тем самым читателю шире охватить смысловую сущность сообщаемой информации. Одновременно с этим под активным взаимодействием в контексте с компонентами разговорно-просторечной окрашенности слово *безмерно* уже не воспринимается как лексема сугубо книжной стилистической окрашенности.

Значительный экспрессивно-смысловой импульс сообщается всему контексту и устойчивым оборотом *провал его возьми*, завершающим данный контекст. В тесном взаимодействии с другими компонентами он способствует выдвигению на передний план повествования крайний примитивизм желаний обывателя, мечтающего лишь об одном: как можно плотней набить свой живот.

Моральная низкопробность этой мечты ярко подчеркивается и поставленными в конце знаками препинания, представляющими собой в данном случае не традиционные элементы русской пунктуации, а контекстуальные компоненты, наполненные автором в данной локальной языковой ситуации определенным содержанием.

Так, тире в препозиции от устойчивого оборота представляет собой поэтическую паузу, позволяющую читателю сформировать в процессе размышления определенные ассоциации, содействующие верному «прочтению» авторского подтекста. Восклицательный же знак, поставлен-

ный в конце строфы и обладающий эмоциональной интенсивностью и вне контекста, благодаря словесному окружению содействует семантическому динамизму всего контекста, расставляя смысловые акценты таким образом, что изображаемая автором атмосфера локальной ситуации приобретает высокую степень художественной образности. И достигается этот семантический эффект благодаря тому, что восклицательный знак здесь под пером автора превращен из пунктуационного в функциональную смысловую единицу контекста, активно участвующую наряду с другими языковыми средствами в создании яркого коллективного портрета обывателя.

Таким образом, проведенный анализ позволяет утверждать, что автор чувствует смысловую потенциал языковых средств во всем его многообразии, благодаря чему получает широкие возможности показать то или иное явление, тот или иной образ наиболее полно, приближая его к определенному факту и явлению.

1. Гагкаев К.Е. О языке и стиле Коста Хетагурова. Орджоникидзе: Сев.-Осет. кн. изд-во, 1957. 125 с.

2. Абаев В.Д. Коста Хетагуров и его время. Тбилиси: Заря Востока, 1961. 203 с.

3. Князева В.Н. Публицистика как отражение социокультурного и художественного сознания К.Л. Хетагурова: Дисс. ... канд. филол. наук. Владикавказ, 2007. 188 с.
4. Комаева Р.З. Глаголом жечь сердца людей. Орджоникидзе: Ир, 1989. 269 с.
5. Комаева Р.З. Эстетика художественного слов. Владикавказ: Ир, 1994. 272 с.
6. Царикаева Ф.А., Туаева Р.Т. Использование выразительных средств в поэме К.Л. Хетагурова «Кому живется весело...» // Коста Хетагуров в контексте культуры России: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 160-летию со дня рождения Коста Левановича Хетагурова (17-18 мая 2019 г., Владикавказ). Владикавказ: СОГУ, 2019. С. 215-223.
7. Гвоздев А.С. Очерки по стилистике. 3-е изд. М.: Просвещение, 1965. 451 с.
8. Коста Хетагуров. Поэзия. М.: Советская Россия, 1986. 352 с.
9. Словарь современного русского литературного языка. М.-Л.: АН СССР, 1951. Т. 2. 1393 с.
10. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М.: ООО «ИТИ Технологии», 2003. 944 с.
11. Царикаева Ф.А. Разговорно-просторечная лексика в поэме К.Л. Хетагурова «Кому живется весело...» // Коста Хетагуров в контексте культуры России: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 160-летию со дня рождения Коста Левановича Хетагурова (17-18 мая 2019 г., Владикавказ). Владикавказ: СОГУ, 2019. С. 208-214.

Tsarikaeva, Fatima A. – K.L. Khetagurov North Ossetian State University (Vladikavkaz, Russia); fcarikaeva@mail.ru

FEATURES OF THE EMOTIONAL AND EXPRESSIVE VOCABULARY IN K.L. KHETAGUROV'S POEM "WHO LIVES MERRILY..."

Keywords: language tools, vocabulary, emotionally-colored vocabulary, semantics, speech styles.

K.L. Khetagurov's poetry was grounded on the philosophical basis of the Russian revolutionary democrats – V.G. Belinsky, N.G. Chernyshevsky, N.A. Dobrolyubov – teachings and embodies both high idealism in its content and high artistic value in its form. The poet's language is the most important element of his revolutionary poetry, his passionate protest against the ideology and morality of the landlord–capitalist system. A vivid evidence of this is his poem "Who Lives Merrily..." written in Russian that demonstrates the highlanders' relationships with the tsarist administration and the bureaucratic apparatus in the Caucasus in a bright satirical form. Therefore, the vocabulary of the poem is generally characterized by emotional and stylistic diversity. This work is aimed at revealing the linguistic means by which the author manages to ridicule the upper layers of the described society, their relationships and mutual influence in a particular local situation. According to the results of the study, in terms emotional and stylistic vocabulary the poem is characterized by a wide use of lexical units belonging to various stylistic layers of the Russian vocabulary. This testifies that the poet did not only know and master the Russian language well, but also had a deep understanding of the semantic meaning of each word, its expressive potential, receiving unique shades of meaning in certain contextual situations, which contributes to the creation of the artistic character of the described action. The latter allows the poet to bring certain groups of words he needs to focus the reader's attention on in each specific situation to the foreground of the narrative and to shift the contents of others to the background. The language of this work is characterized by brevity, imagery, vividness and expressiveness. K.L. Khetagurov does not use meaningless decorations. Each word used in the poem directly reflects and fully reveals the objects or phenomena described in their historical reality.

References

1. Gagkaev, K.E. *O yazyke i stile Kosta Khetagurova* [On Kosta Khetagurov's language and style]. Ordzhonikidze, Sev.-Oset. kn. izd-vo, 1957. 125 p.
2. Abaev, V.D. *Kosta Khetagurov i ego vremya* [Kosta Khetagurov and his time]. Tbilisi: Zarya Vostoka, 1961. 203 p.
3. Knyazeva, V.N. *Publitsistika kak otrazhenie sotsiokul'turnogo i khudozhestvennogo soznaniya K.L. Khetagurova* [Journalism as a reflection of K.L. Khetagurov's socio-cultural and artistic consciousness]. Thesis abstract of the candidate dissertation (in Philology). Vladikavkaz, 2007. 188 p.
4. Komaeva, R.Z. *Glagolom zhech' serdtsa lyude* [To burn people's hearts with a word]. Ordzhonikidze, Ir, 1989. 269 p.
5. Komaeva, R.Z. *Estetika khudozhestvennogo slova* [Aesthetics of the artistic word]. Vladikavkaz, Ir, 1994. 272 p.
6. Tsarikaeva, F.A., Tuaeva, R.T. *Ispol'zovanie vyrazitel'nykh sredstv v poeme K.L. Khetagurova "Komu zhivetsya veselo"*» [The use of expressive means in K.L. Khetagurov's poem "Who lives merrily..."]. *Kosta Khetagurov v kontekste kul'tury Rossii: Sbornik materialov Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s*

mezhdunarodnym uchastiem, posvyashchennoi 160-letiyu so dnya rozhdeniya Kosta Levanovicha Khetagurova (17-18 maya 2019 g., Vladikavkaz) [Kosta Khetagurov in the context of Russian culture: Proceedings of the All-Russian scientific and practical conference with international participation on Kosta Levanovich Khetagurov's 160th anniversary (May 17-18, 2019, Vladikavkaz)]. Vladikavkaz, SOGU, 2019, pp. 215-223.

7. Gvozdev, A.S. *Ocherki po stilistike* [Essays on Stylistics. 3rd edition]. Moscow, Prosveshchenie, 1965. 451 p.

8. Khetagurov, Kosta. *Poeziya* [Poetry]. Moscow, Sovetskaya Rossiya, 1986. 352 p.

9. *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [Dictionary of the Russian Modern Literary Language]. Moscow-Leningrad, USSR Academy of Sciences, 1951, vol. 2. 1393 p.

10. Ozhegov, S.I., Shvedova, N.Yu. *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka: 80000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenii* [The explanatory dictionary of the Russian language: 80000 words and phraseological expressions. 4th edition, supplemented]. Moscow, ООО "ITI Tekhnologii", 2003. 944 p.

11. Tsarikaeva, F.A. *Razgovorno-prostorechnaya leksika v poeme K.L. Khetagurova "Komu zhivetsya veselo..."* [Colloquial vocabulary in K.L. Khetagurov's poem "Who lives merrily..."]. *Kosta Khetagurov v kontekste kul'tury Rossii: Sbornik materialov Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem, posvyashchennoi 160-letiyu so dnya rozhdeniya Kosta Levanovicha Khetagurova (17-18 maya 2019 g., Vladikavkaz)* [Kosta Khetagurov in the context of Russian culture: Proceedings of the All-Russian scientific and practical conference with international participation on Kosta Levanovich Khetagurov's 160th anniversary (May 17-18, 2019, Vladikavkaz)]. Vladikavkaz, SOGU, 2019, pp. 208-214.